

«Копья поют ...»

Б.А. Рыбаков. Фото 1970-х гг.

Закончил я в 1930 году университет и поступил на работу в Александровский музей. Работа мне нравилась: много интересных экспонатов, архитектура XVI века, даже сохранилась палата, где Иван Грозный убил сына.

Но вскоре я прочел в газете объявление с перечнем лиц, которые должны явиться в комиссию по распределению. Я явился. И меня распределили в маленький городок на Урале, в музей. Работа там предстояла далекая от моей специальности. Потому ехать мне

туда не хотелось. Я вспомнил, как поступил В.А. Городцов, известный археолог. Он в свое время с отличием окончил семинарию, и начальство направило его в Московскую духовную академию. Но служба по духовному ведомству его не привлекала. И чтобы ее избежать, он неожиданно для всех поступил в юнкерское училище. Дослужился до полковника, был адъютантом великого князя Сергея Александровича. А во время службы познакомился с Историческим музеем, да и остался там потом до конца дней.

Пример был подходящий. Я отправился в военкомат и попросил, чтобы меня призвали в армию. Встретили меня очень хорошо и спросили, что я знаю. В университете тогда давали хорошую военную подготовку. Преподавали бывшие царские генералы и полковники – Бутурлин, например. Он был начальником штаба у Ренненкампа в первую мировую войну. А как

археолог я знал геодезию, картографию. Меня отправили в первую московскую дивизию, в учебную батарею.

Располагалась наша батарея в Крутицком подворье. (Над его проездными воротами возвышается Крутицкий теремок – один из интереснейших памятников архитектуры Москвы конца XVII века. Фасад выложен многоцветными изразцами. Зодчим был Осип Старцев, тот, который выстроил в Троице-Сергиевом монастыре Трапезную и царские Чертоги).

Каждый раз, как мне приходилось выезжать верхом из ворот, я испытывал особый подъем. С детства я интересовался архитектурой Москвы. Уже в 13 лет у меня возникало какое-то торжественное состояние, когда я имел дело с древними памятниками.

А когда готовились к первомайскому параду 1931 года, мы выезжали по ночам на Красную площадь. Один раз даже с факелами. И я чувствовал себя так, как будто я участник каких-то событий XVI или XVII века.

Военная служба и летние офицерские сборы, которые бывали каждый год до самой Отечественной войны, позволили мне – историку – хорошо изучить конное дело. Я узнал все – от «рубки лозы» до стратегических расчетов скорости конных войск. И с холодным оружием научился обращаться. Мне это было очень интересно. Ведь в Историческом музее, где я проводил столько времени в студенческие годы, много старинного оружия. А гуманитарии не очень знали, как оно применялось. Я понял, например, что не все типы мечей, находившихся в музее, были пригодны для конного боя. Некоторые мечи могли использоваться только как ритуальное оружие, в торжественных случаях. Я чуть руку не вывихнул, испытывая эти мечи.

После окончания военной службы стал я понемногу присматриваться к «Слову о полку Игореве». Там немало темных мест. Вот, например, некоторые исследователи считали, что Игоревое войско одно время билось с половцами, спешившись, то есть, сойдя с коней. А на самом деле всадники, сражавшиеся три дня без воды, не спешили, а пересели на свежих коней во

время битвы. Пеший не мог дотянуться до шлема врага, сидящего на коне, а в «Слове...» прямо говорится, что русские мечи гремели по половецким шлемам.

Или в другом месте «Слова ...» сказано о движении конной рати, что она «Притоптала холмы и овраги, взмутила реки и озера, иссушила потоки и болота». Можно принять эти строки за былинную гиперболу, когда богатырь скачет «выше лесу стоячего, ниже облака ходячего». А это вполне реальная картина марша нескольких кавалерийских корпусов по одному маршруту: вытоптана трава на холмах, обрушены склоны оврагов, замутилась повсюду вода от водопоя тысяч коней, затоптаны копытами мелкие ручьи и мочажины.

Хотелось мне установить место битвы Игоря с половцами. Известно, что произошла она на реке Каяле. Но где эта Каяла? Некоторые исследователи считали, что это Калка. Но Калка находится у Азовского моря – примерно в 400 километрах от той последней точки, которую можно было определить как место остановки Игоря за 10–12 часов до битвы. Вообще все надо принимать во внимание: скорость обоза, скорость всадника, помнить, что коней кормить надо – на это тоже время требуется, и т.п. И если, например, в летописи сказано, что Владимир Мономах ехал из Чернигова в Киев от заутрени до вечерни, то мне понятно – он мог сделать это только на подставных конях.

А пройти за 10–12 часов на конях расстояние в 400 км невыносимо.

Я увлекался еще исторической географией, картами, сам составил много карт. Любил перелагать исторические события на реальную основу. И вот изучил местность, изучил маршрут войск Игоря и составил карту. На ней с точностью до 10 км можно было определить район битвы. Прошло несколько десятков лет. И я обнаружил атлас 1847 года с картой Юга России. Представьте мою радость: там, где я обозначил место битвы, указан был овраг Скелеватой. А по-тюркски – Каяла – скалистая. По-украински это слово будет «Скелеватая». Речка была маленькая, сейчас она пересохла.

Ну, а если еще говорить о кавалерийских делах, то есть в «Слове...» загадочное место о родных братьях Рюрике и Давыде, о том, что несогласно, «розно» они действуют. Сказано так: «...в розно им хоботы пашут, копия поют». Хоботы – это знамена в виде полых конусов с открытым отверстием на конце. Такие знамена были с давних пор у многих народов. При движении войска хоботы наполнялись воздухом и извивались – «пахали».

Старший брат Рюрик был основательным, серьезным, верным чувству долга человеком. Он участвовал во многих сражениях с половцами. А младший, Давыд, когда половцы под предводительством Кончака угрожали Киеву, собрал свое войско и ушел домой, в Смоленск. Так что по-разному развевались их хоботы.

«Копья поют» – как это понимать? Мне однажды на маневрах удалось услышать. Наша разведка шла легкой рысью в районе Звенигорода. Навстречу – кавалерийский эскадрон с пиками, притороченными к седлам вертикально: в седлах специальные кожаные гнезда были. Мы спускались с высокого берега. А встречный эскадрон поднимался. И я услышал – это потрясающе! – в пиках пел ветер, как поет Эолова арфа. Ветер был довольно сильный на гребне. И мелодичный звук арфы слышался ясно.

Рассказ Б.А. Рыбакова записала Т.В. Смирнова

Детские годы академика Рыбакова

– Борис Александрович, как Вы считаете, когда у Вас проявился интерес к истории, к археологии?

– В пятилетнем возрасте отец подарил мне Детскую энциклопедию. Она сыграла большую роль в моей жизни. Читать я научился в четыре года. И особенно любил книги об истории. А непосредственное соприкосновение с историей почувствовал, когда меня, пятилетнего, мама повела к нянюшке Акулине в богадельню. Это была не моя няня. Она жила еще у моего

прадеда, потом деда. Родилась в 1807 году. Рассказывала нянюшка, как встречали французских солдат наполеоновской армии. Жила она тогда в Смоленской губернии. Помните «Войну и мир»? Именье князя Болконского как раз в Смоленской губернии было.

Ничего особенного нянюшка не рассказала: семья залезла в подпол и просидела там всю ночь. А потом пришли соседи и сказали: «Вылезайте». Этот простой рассказ как-то запал в душу, великие исторические события стали ближе.

А интерес к археологии появился, пожалуй, впервые, когда я попал в Генуэзскую крепость XIV века. Мы проводили лето в Крыму, в Судаке. Мне было уже 7 лет.

С осени 1918-го меня уже не было в Москве. Несколько тысяч московских школьников погрузили тогда на пароходы и увезли из голодной Москвы в хлебородные губернии. Вернулся я только через три года и принялся изучать старую Москву. За зиму 1921 года обошел все московские монастыри, много занимался в библиотеке Исторического музея – там было тогда детское отделение. А главное – я стал «владельцем» башни Китай-города. Эта башня была между Ильинкой и Варваркой. На верхней площадке росли маленькие березки, трава. Там мы с товарищами сидели, читали. Уходя, я запирал башню на замок. Вот в этой башне я и сделал свою первую археологическую находку: клевец – боевой топорик XVII века.

Кончилось «владение» башней тем, что нас арестовали и отвели на Лубянку. Но после допроса выпустили. Мне было тогда 14 или 15 лет.

– Скажите, а Ваши родители интересовались историей?

– Отец закончил исторический факультет Московского университета. Учился у Ключевского, Любавского, Виппера, Петрушевского. После университета организовал старообрядческий учительский институт. Студенты были детьми богатых купцов. Многие приезжали учиться из Сибири. Деньги на организацию института дал миллионер С.П. Рябушинский.

– А кем была Ваша мама?

– Мама была из купеческого рода Блохиных, живших в Немецкой слободе. Дед имел свечное производство. Дочь он отдал учиться в немецкий пансион. Потом она закончила филологический факультет Высших женских курсов Герье. Хорошо знала немецкий и французский.

– Вы сказали, что созданный Вашим отцом институт был старообрядческим. Ваши родители были религиозными людьми?

– Дед мой по отцовской линии был богатым коломенским крестьянином-старообрядцем. Был связан с торговлей. А бабушка из касимовских татар. Эти татары были крещены еще в XVI веке. Но родители не были религиозны. У нас в гостиной даже икон не было. И как-то один золотопромышленник, который привез сына отдавать учиться, не найдя иконы, перекрестился на большие часы.

А когда меня отдали в гимназию, мама настояла, чтобы я не посещал уроки Закона Божия под предлогом старообрядства. Она считала, что это не нужно ребенку.

– Родители окружали Вас в детстве заботами или предоставляли самостоятельность?

– В 7 лет я чувствовал себя взрослым, самостоятельным человеком и жил вполне свободно. В Судакe я купался один, хотя еще не умел плавать. Там я совершил и первое путешествие: однажды отправился из Судака в Новый Свет – манило название селенья. Надо мной летали орлы, но я их не боялся. Дошел до края гор, до обрыва ... Подо мной внизу был Новый Свет. Вернулся, а меня уже искали. И отец, и мать, и бонна, ко мне приставленная (она мало мной занималась). Встретили меня торжественно, обрадовались. Никогда меня не наказывали, не бранили в детстве.

– Наверное, вы хорошо учились?

– Учился хорошо. Сначала дома. Мама занималась со мной русским, арифметикой, немецким и французским. Географию изучал по карте военных

действий – шла первая мировая война. Я втыкал в карту флажки, обозначая линию фронта. Много читал по истории.

В девять лет меня отдали в частную гимназию Лебедева на Таганке. Я походил полгода в подготовительный класс, а потом заболел. О гимназии остались смутные воспоминания.

Ну а потом, как я уже сказал, школьников вывезли из Москвы, расселили в селах Казанской и Уфимской губерний. Не знаю, почему нас там не учили. Книг, конечно, не было. Почти четыре года я вообще ничего не читал. Грустно было без книг. Педагоги были с нами, но никаких занятий не проводили.

А потом, в Москве, я так увлекся изучением старой Москвы, что запустил занятия в школе. И меня оставили на второй год. Я очень обиделся. Летом подготовился самостоятельно и поступил даже не в следующий класс, а через класс. Таким образом, я закончил среднюю школу в 15 лет.

В университет в таком возрасте не принимали. Устроился на работу. И через три года поступил в Московский университет. Колебался: на какой факультет поступать – исторический или филологический. Выбрал все же исторический. Но потом сам составил себе расписание занятий, чтобы посещать некоторые лекции и на филологическом факультете.

– Вспомните, пожалуйста, какие-нибудь случаи из Вашего детства, больше всего запомнившиеся.

– Одно из самых ярких впечатлений раннего детства – клетки с белыми и зелеными попугаями. Видел я их, когда мы летом были в Анапе. У меня теперь уже много лет живет попугай – зеленый с красным, Риточка. Разговаривает со мной. Я говорю ей: «Ты птичка моя». Как-то при гостях она сказала: «Боря, Боря, я – птичка твоя».

Самый страшный случай был, наверное, когда меня еще с одним мальчишкой послали из нашей детской колонии за 76 км в Набережные Челны за продуктами. Ехать надо было на санях двое суток, с ночевкой. Едем, глядь – а за нами шесть или семь волков бегут. Парнишка, который со

мной был, сказал, что выпряжет лошадей и ускачет. А я схватил топор и стал рубить мясо, которое мы везли в колонию. Рубил и бросал волкам. Это нас спасло.

До сих пор помню свой первый грех. Это еще в Москве было, осенью 1917 года. Был голод. У нас завелись крысы. И я убил одну крысу топором.

А был случай поистине удивительный. В 1921 году нам пришлось уезжать из детской колонии. На пароходе доехали до Нижнего. Дальше надо поездом, а в поезд не сесть. У нас остался только маленький узелок свеклы. Развели мы костер на песчаном берегу в стороне от города. Сидим. Вдруг подходит мужик цыганистого вида и обращается к матери: «Барыня, это вы?» Оказалось – внук нянюшки Акулины, Герасим. Он нам помог сесть на поезд. Что-то сказал людям, они втащили маму в вагон. А меня он просто бросил на головы стоявших в вагоне людей. Постепенно я опустился на пол.

– Вы были в детстве современником таких событий, как первая мировая война, революция, гражданская война. Помните ли Вы что-нибудь о том времени?

– Война как-то совсем не чувствовалась. Помню, в Судаке мы сидели на террасе каменного дома, а рядом в саду люди пили шампанское, веселились. Это был 1915 год. А в следующем году С.П. Рябушинский закончил строительство дома для служащих автомобильного завода АМО (нынешний ЗИЛ). Мы переехали на новую квартиру на Большую Андроньевскую. Из окон нашего восьмого этажа был Кремль виден. А квартира была такая большая, что я катался в ней на велосипеде.

В конце февраля 1917 года я оказался с прислугой у Яузских ворот, рядом с воспитательным домом. Мы забрались на высокое крыльцо. По улице шли толпы народа с красными бантами. В тот день я записал в дневнике: «28 февраля. Сегодня у нас была революция». Жизнь изменилась не сразу. Как обычно, летом 1917 года мы жили на даче. В тот год мы снимали дачу в Сокольниках. Я там с медведем в малиннике встретился.

Но скоро началось голодное время. Мама варила суп из бычьих хвостов. А мы, мальчишки, воровали рыбу, как лиса из сказки. Тогда воблу возили на санях цугом, то есть двое саней с одним ямщиком. Ребята постарше забирались на сани, распарывали мешки с рыбой и бросали рыбу на дорогу. А мы подбирали.

Осенью 1917 года по нашим окнам стреляли. Нас после Октябрьского переворота уплотнили – поселили еще несколько жильцов. Почему-то был среди них жандармский полковник. Его прямо у нас арестовали.

А в детской колонии до 1921 года голода не было. О происходивших событиях мы ничего не знали. Газет не получали. Места там были глухие. Встречались еще избы, которые топились по-черному, светцы для лучины.

Когда вернулись в Москву, уже начался НЭП. Отец повел меня в булочную Филиппова. Мы пили там кофе с пирожными.

– Что запомнилось Вам от первого посещения Сергиева Посада?

– Отец захватил меня с собой, когда поехал в Московскую духовную академию. Мне было пять лет. Он оставил меня у ворот, дал лопатку. Я купался в сугробе. До сих пор помню ворота Академии в стиле модерн.

Интервью с академиком Б.А. Рыбаковым Т.В. Смирновой

Тексты с заголовком «К 90-летию академика Бориса Александровича Рыбакова» и предисловием С.О. Шмидта опубликованы: Археографический ежегодник за 1998 год. М., 1999. С. 397–402 (перепечатка из сергиево-посадской газеты «Вперед»).